

М. А. БАКУНИН

*БОГ И ГОСУДАРСТВО.
ИСПОВЕДЬ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

БОГ И ГОСУДАРСТВО

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ И КАФИЕРО

И друзьям, и врагам Бакунина известно величие его идей и его несокрушимая энергия; известно также, с каким высокомерным презрением он смотрел на богатство, чины, славу, на все несправедливые преимущества, поддерживать которые большинство человечества имеет достаточно подлости. Русский дворянин, покинувший на родине обширные поместья, он один из первых примкнул к обществу непримиримых мятежников, отрясших от ног прах традиций и предрассудков, отрекшихся от национальных и классовых интересов и ставящих ни во что свой собственный комфорт. Вместе с ними вел он суровую битву жизни; как и они, долгие годы томился в тюрьме и в ссылке, переносил все опасности и лишения, которые приходится претерпевать самоотверженным людям в течение их подвижнической жизни.

Простой камень с именем Бакунина отмечает то место на Бернском кладбище, где зарыт его прах. Но чтобы запечатлеть в памяти потомства образ этого великого революционера, далекого от всякой суетности, не нужна надгробная надпись, и, вероятно, его друзья и последователи никогда не воздвигнут ему тщеславного памятника. Они знают, каким громким смехом ответил бы он на предложение таким спосо-

бом увековечить его славу. Единственный достойный способ чтить его память — это продолжать дело его жизни с тою же энергией и упорством, с каким трудился он сам. А завещанное им дело поистине велико и трудно; и никто еще из учеников его не дал для дела революции и сотой доли того, что дал Бакунин.

В России среди студентов, в Германии среди дрезденских инсургентов, в Сибири среди своих собратьев по изгнанию, в Америке, в Англии, во Франции, в Швейцарии, в Италии среди пробуждающегося народа пронесся он, как поток лавы, воспламеняя все на своем пути. Оригинальность его идей, образность и пылкость его красноречия, неутомимая энергия в пропаганде, наряду с природным величием его личности и с могучей жизненностью, открывали Бакунину доступ ко всем революционным группам, и его влияние сильно сказалось везде и на всех, даже на тех, которые сначала встретили его с распростертыми объятиями, а потом оттолкнули вследствие различия в деле и методе.

Корреспонденция его была очень обширна: он целые ночи напролет писал длинные письма к своим друзьям из революционного мира, и некоторые из этих писем, написанные для того, чтобы подкрепить робких, подбодрить ленивых или начертать план пропаганды или восстания, приняли размеры целых томов. Эти письма более чем что-либо другое, выясняют огромное значение Бакунина в революционном движении XIX столетия.

Брошюры, изданные им на русском, немецком, французском и итальянском языках, как бы ни были они ценны для данного момента в деле выяснения идей Бакунина, имеют несравненно меньшее значение, чем его письма. Настоящий трактат «Бог и государство» не более как отрывок из письма. Написан-

ный с обычной для Бакунина манерою, он страдает свойственным всем его произведениям недостатком пропорциональности и законченности. Мы напрасно старались найти конец рукописи, его не оказалось. У Бакунина никогда не хватало времени, чтобы окончить начатое. Не успевал он кончить одно, как надо было приниматься за другое.

«Самая моя жизнь не более как отрывок», — сказал он однажды критику его литературных произведений. Тем не менее читатели настоящего трактата, вероятно, не пожалеют, что он напечатан, хотя и не в полном виде. Прямо обращаясь только к своим честным оппонентам, Бакунин доказывает им несостоятельность их верования в ту божественную власть, на которой основаны все земные власти; он доказывает им чисто человеческое происхождение всех правительств; в заключение, не останавливаясь на обсуждении основ государства, уже осужденных общественной нравственностью, каковы физическое превосходство, насилие, дворянство, богатство и проч., он не оставляет камня на камне и в кантовской теории передачи управления в руки ученых. Действительно: предположим даже, что среди конфликта честолюбий и интриг было бы возможно распознать, кто мнимые и кто настоящие ученые; допустим, что была бы найдена такая система выборов, при которой власть была бы передана в руки людей, обладающих истинным знанием; какую гарантию мудрости и честности управления могли бы они предложить нам? Никакой! Наоборот, почти с уверенностью можно сказать, что эти новые хозяева предали бы тем же самым безумствам и тем же самым преступлениям, как и прежние. Это произошло бы, во-первых, потому, что наука не есть нечто законченное: она постоянно развивается, и нынеш-

ний ученый не более как невежда для завтрашнего дня. Пусть он только раз вообразит, что достиг предела совершенства, и одной этой причины достаточно, чтобы он спустился ниже только что родившегося ребенка. Но даже если бы ему и удалось познать истину в самой ее сущности, получив власть, он неизбежно потребил бы ее во зло. Чтобы утвердить свое господство, он должен стараться, подобно всякому главе государства, задерживать жизнь масс, движущихся ниже его, держать их в невежестве. чтобы сохранить спокойствие, и постоянно унижать их, чтобы управлять ими с более высокого трона.

Впрочем, с тех пор, как на свете появились «доктринеры», настоящие или мнимые гении не раз брали уже в свои руки управление скипетром мира, и мы знаем, во что это нам обошлось. Мы видели их за работой, всех этих ученых; они были тем суровее, чем больше они учились; тем уже в своих взглядах, чем больше времени они посвятили всестороннему изучению какого-нибудь единичного факта; без всякой жизненной опытности, потому что они долгое время не знали другого горизонта, кроме стен своего кабинета; они отличались ребяческими причудами и детским тщеславием; были не способны к серьезной борьбе и никогда не могли научиться распознавать истинное соотношение вещей.

Не были ли мы недавно свидетелями основания целой школы «мыслителей» — низких льстецов и людей неопрятной жизни, которые построили целую космогонию ради своей собственной выгоды? Согласно их теории, миры были сотворены, общества развивались, революции опрокидывали обветшавший строй, государства погибали в крови, нищете и болезнях только для того, чтобы выдвинулся какой-нибудь избранный из академиков, для пыш-

ного расцвета которого все остальные люди не более как удобрение. Все другие человеческие существа обречены на смерть для того, чтобы эти джентльмены сделали бессмертными!

Но можем быть спокойны: у всех этих академиков не найдется смелости Александра, разрубившего мечом гордиев узел. Управление при помощи науки сделалось теперь так же невозможно, как и управление при помощи божественного права, богатства или грубой силы. Все власти обречены отныне на безжалостную критику. Люди, в которых зародилось чувство равенства, не потерпят более, чтобы ими управляли; они научатся сами управлять собою. Низвергнув с высоты небес родоначальника власти, люди низвергнут также всех тех, кто царствовал его именем. В этом сущность грядущей революции. Государства должны разрушиться, чтобы дать место новому строю, в котором, как любил говорить Бакунин, «"человеческое" правосудие будет заменено божественною справедливостью». И для этого грядущего обновления ни один из революционеров в мире не сделал так много, как сделал Михаил Бакунин.

БОГ И ГОСУДАРСТВО

Три элемента, или три основных принципа, составляют в истории главное условие всякого человеческого развития, как коллективного, так и индивидуального: 1) животная природа человека, 2) мысль и 3) дух возмущения. Сферой первого элемента являются социальные и частные экономические отношения, сферой второго — наука, третьего — свобода.

* * *

Идеалисты всех школ, аристократы и буржуа, теологи и метафизики, политики и моралисты, исследователи религий, философы и поэты, а также и ученые экономисты, — необузданные поклонники идеала, как нам известно, — очень оскорбляются, когда им говорят, что человек с его могучим умом, возвышенными идеями, с его беспредельными стремлениями, подобно всему существующему в мире, есть не более как продукт грубой материи.

Мы можем ответить, что материя, о которой говорят материалисты, материя самопроизвольно и вечно движущаяся, активная, превращающая химическую энергию в динамическую, материя, проявляющая себя в миллионах комбинаций механических, физических, животных и разумных сил, — что эта материя

не имеет ничего общего с грубой материей идеалистов. Последняя, продукт их ложных теорий, действительно глупая, бездушная, инертная вещь, неспособная дать рождение малейшему творению, *carut mortuum* — уродливая фантазия, придуманная только для контраста с другой, прекрасной фантазией которую они называют Богом. Как противоположность этому высшему существу, материя — их материя, — лишенная ими всего, что составляет ее истинную природу, неизбежно должна представлять величайшее ничтожество. Они отняли у материи разумность, жизненность, все ее существенные качества, активные соотношения сил, самое движение, без которого материя не имела бы даже веса. Не оставив ей ничего, кроме непроницаемости и абсолютной неподвижности в пространстве, все эти природные силы, свойства и проявления они приписали воображаемому существу, созданному их отвлеченной фантазией; затем, переменив роли, они назвали этот продукт своего соображения, этот фантом, этого Бога (который есть ничто) «Высшим Существом» и, как необходимое следствие отсюда, объявили, что действительная реальность, материя, мир — есть ничто. После этой глубокомысленной манипуляции они серьезно говорят нам, что эта материя неспособна произвести ничего, неспособна даже прийти сама собою в движение и, следовательно, должна была быть сотворена Богом.

Кто же прав, идеалисты или материалисты? Раз этот вопрос достаточно выяснен, колебание делается невозможным. Несомненно, идеалисты не правы, а материалисты правы. Да, факты стоят впереди идеалов; идеал, как сказал Прудон, не более как цветок, корень которого лежит в материальных условиях жизни. Да, вся история человечества, ин-

теллектуальная и моральная, политическая и социальная, не более как отражение его экономической истории.

* * *

Все отрасли современной науки, истинной и бескорыстной науки, с полной солидарностью провозглашают одну великую и непреложную истину: социальный мир, собственно говоря, человеческий мир или человечество — есть не что иное, как высшее развитие, высшее проявление животного мира, по крайней мере на нашей планете, насколько мы знаем. Но так как всякий процесс развития приводит в конце концов к логическому отрицанию своих основных предпосылок, то и развитие человечества есть последовательное и неуклонное освобождение от элементов животности. И именно в процессе этой эволюции от животного к человеческому, как естественное и логически и исторически необходимое его следствие, и возникает мир идей, мир интеллектуальных и нравственных убеждений, — создаются руководящие идеалы.

Да, наши первые прародители, наши Адамы и Евы, были если не гориллы, то очень близкие родственники горилл, всеядные, разумные и свирепые животные, одаренные в большей степени, чем животные других пород, двумя драгоценными способностями — способностью мыслить и склонностью к протесту, к бунту, к революции. Многообразные комбинации этих двух способностей и составляют движущую силу исторического процесса, ведущего к полному торжеству человеческого начала над животным.

Библия, очень интересная и местами очень глубокая книга, если ее рассматривать как одно из древ-

нейших проявлений человеческой мудрости и фантазии, очень наивно выражает эту истину в своем мифе о первородном грехе. Егова из всех богов, которым поклонялись люди, несомненно, самый завистливый, самый тщеславный, самый свирепый, самый несправедливый, самый кровожадный, самый деспотичный и самый враждебный человеческому достоинству и свободе, — Егова создал Адама и Еву, чтобы удовлетворить неизвестно какому капризу, может быть, для того, чтобы иметь нескольких новых рабов. Он великодушно предоставил в их распоряжение всю землю, со всеми ее плодами и животными, и только одним ограничил полноту радости жизни: он строго запретил им прикасаться к плодам дерева познания. Следовательно, он желал, чтобы человек, лишенный всякого познания самого себя, вечно оставался животным, вечно лазил на четвереньках перед Богом «живым», своим творцом и господином.

Но тут вступается Сатана, вечный мятежник, первый свободный мыслитель и эмансипатор миров. Он заставляет человека устыдиться своего животного невежества и своей покорности; он эмансипирует человека, побуждая его послушаться и вкусить плода познания.

Мы знаем, что было дальше. Милосердный Бог, всеведение которого, составляющее одно из божественных свойств, должно было предупредить его о том, что совершилось, впал в страшную и смешную ярость; он проклял Сатану, человека и созданный им самим мир, поражая, так сказать, самого себя в своем творении, подобно тому, как поступают дети, когда рассердятся, и, не удовлетвовавшись тем, что покарал наших прародителей, он проклял их во всех грядущих поколениях, неповинных в преступлении, совершенном их предками. Наши като-

лические и протестантские богословы находят этот поступок очень глубокомысленным и справедливым именно потому, что это чудовищно несправедливо и нелепо. Затем, вспомнив, что он не только Бог мести и гнева, но также и Бог любви, — после того как наполнил мучениями жизнь нескольких миллиардов бедных человеческих существ и осудил их на вечные муки ада, он сжалился над остальными, и, чтобы спасти их и примирить свою вечную божественную любовь с вечным божественным гневом, постоянно жаждущим жертв и крови, он послал в мир, в виде искупительной жертвы, своего единственного сына, для того чтобы он был убит людьми. Это называется тайной Искупления. Эта тайна положена в основу всех христианских религий. Еще если бы божественный Спаситель спас весь род человеческий! Но нет, в обещанном Христом раю, как мы знаем, число избранных будет очень невелико. Остальные, огромное большинство теперешних и грядущих поколений, будут вечно гореть в аду. А пока, чтобы утешить их, всеправедный и всеблагий Бог вручает власть над землею Наполеонам Третьим, Вильгельмам Первым, Фердинандам Австрийским и Александром Всероссийским.

И такие нелепые сказки, такие чудовищные доктрины преподаются при полном свете девятнадцатого столетия во всех народных школах Европы по особому наказу правительств. Они называют это народным просвещением! Не ясно ли, что все правительства суть систематические отравители, корыстные мракоседы, насильники народной мысли?!

Таковы низкие и преступные средства, которые они употребляют для того, чтобы держать народы в вечном рабстве и беспрепятственно сдирать с них шкуру. Что значат преступления всех Тропманов

в мире по сравнению с этим преступлением измены человечеству, совершаемым среди белого дня на всем пространстве цивилизованного мира теми, кто смеет называть себя отцами народа?

И, однако, в мифе о первородном грехе Бог соглашается, что Сатана был прав: он признает, что диавол не обманул Адама и Еву, обещая им знание и свободу в награду за проступок ослушания, который он их склонил совершить, так как непосредственно после того, как они вкусили запрещенного плода, сам Бог сказал (см. Библию): «И вот люди сделались как боги, знающие добро и зло; и так не допустим их вкушать плоды вечной жизни, чтобы они не сделались бессмертными, подобно Нам самим».

* * *

Оставим теперь в стороне баснословную часть этого мифа и обратим внимание на его истинное значение, которое не может иметь двух толкований. Смысл мифа ясен: человек эмансипировался; он отделился от животного мира и сделался человеком; актом ослушания и познания, т. е. возмущением и мышлением, он начал свою отдельную, человеческую историю и свое человеческое развитие.

Система идеалистов совершенно противоположна этой. Она заключает в себе отрицание всего человеческого опыта и того всеобщего здравого смысла, который является первоисточником всякого человеческого познания и который, исходя из простой и давно признанной истины, что дважды два — четыре, подымается до самих возвышенных и сложных научных построений и, отбросив все не проверенное наблюдением и опытом, является, повторяю, единственным серьезным основанием человеческого знания.